

УДК 32

Итоги сталинского правления в государственной национальной политике. 1920-1950-е годы

Бугай Николай Федорович

Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
Институт российской истории РАН,
117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19;
e-mail: nikolay401@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается процесс формирования национальной политики в государстве в условиях сталинского режима, изменение его взглядов на саму суть национальной политики, ее направленность. Показан и процесс формирования управленческого аппарата в сфере национальной политики. Отношение к этническим общностям в государстве, роль и место советского казачества и национальных меньшинств в социалистическом строительстве, трудностях их жизнеобустройства, жесткой политике отношений к этническим меньшинствам в 1940-е годы, последствия этих мер.

Ключевые слова

Сталин, наркомнац, нациестроительство, этнические общности, национальные меньшинства, казачество, советское строительство, управление.

Проект подготовлен при поддержке – Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: академик А.П. Деревянко). Направление 2. Советская модернизация и ее влияние на российское общество (координаторы – член.-корр. РАН Е.И. Пивовар, д.и.н. Ю.А. Петров).

Введение

60 лет после смерти И. Сталина (5 марта 2013 г.), личности непростой и государственного, и общественного деятеля, и руководителя многонационального сообщества – Союза ССР. В одном из интервью, прозвучавшем на российском телевидении 4 марта 2013 г., была высказана мысль, привлекающая внимание. Зачем ворошить прошлое, затрагивать в связи с этим имя И. Сталина, ушедшего из жизни 60 лет тому назад? И вопрос, и суждения, несомненно, наводят на некоторые размышления.

Действительно, а можно ли обойтись без этой политической фигуры в оценке современности, например, особенно таких национальных процессов как государственное строительство и нациестроительство, институционализация названных направлений, положение титульных народов и этнических меньшинств, принудительные переселения и реабилитация, формирование автономных образований на территории Союза ССР, основы и принципы национальной государственной политики и другие. Практика и здравый смысл показывают, что нет. К какой бы теме как из перечисленных, так и других, не обра-

тились, а их конститутивный момент исходит оттуда, со сталинских времен... И вправду вывод справедлив, без прошлого трудно понять настоящее, спрогнозировать будущее.

Имя И. Сталина – государственного и политического деятеля своей эпохи прочно вошло в историю Союза ССР. История страны его именем разделяется как бы на два периода. Поэтому детальный анализ реализации установок сталинской политики управления государством и в частности национальными процессами в стране призван углубить понимание эволюции советского государства, выявление его составляющих в социальном плане, переплетение различных направлений развития многонационального сообщества и в первую очередь взаимоотношения по вектору «народы и власть». В этом же плане проявляется и не менее важное направление как отношение центра с периферией, а также между составляющими государственность регионами.

Не является исключением в этом ряду и сфера государственной национальной политики в широком понимании этого слова, политики межэтнических отношений как составной части общей государственной национальной политики.

Надо признать, что Сталин оставил глубокий след, вобравший в себя множество переплетающихся элементов, и позитивного, и негативного начал в становлении и эволюции самой государственности. Несомненно, эти выводы можно сделать, используя, прежде всего метод *сравнительного анализа*, особенно в плане подведения итогов «до Сталина» и «после Сталина», т.е. в двух измерениях: сталинский и послесталинский периоды советской истории.

Можно сколько угодно утверждать о злодеяниях Сталина, его сподвижников, но перечеркнуть то, что им сделано положительного также очень сложно, в том числе и в сфере межэтнических отношений. Для российских историков, обществоведов свойственна половинчатость в освещении этих социальных процессов, недоработка темы, особенно роли и места личностей, кто на практике отстраивал политику межэтнических отношений в советском государстве, а она касалась в первую очередь отношений между русским и другими народами.

Однозначно, только одних тостов И. Сталина – за русский народ, наверное, здесь будут недостаточно. В данном случае необходим анализ комплекса вопросов, и в первую оче-

редь выяснение роли и места тех, кто окружал непосредственно Сталина, в том числе и в период индустриализации и коллективизации, в период организации борьбы с кулачеством, коренизации государственного аппарата власти, принудительных переселений народов как механизма реализации установок государственной национальной политики. Что касается последней позиции, то в российской историографии она анализируется только применительно к верхнему слою специалистов сферы национальной политики. Это так называемая элита Народного комиссариата внутренних дел СССР, НКГБ, КГБ-МГБ, аппарата государственного управления непосредственно приближенного к И. Сталину.

Однако вне поля зрения остается средний состав органов государственной власти, которым формировались основы и направленность государственной национальной политики, и ее основополагающие принципы, и общественное мнение в государстве, и зачастую они же сами реализовывали эти меры.

Сюда следовало бы причислить огромную армию, составлявших всевозможные «тройки», «двойки» карательного свойства, а также тех, кто

занимался дедами целой сети спецкомендатур, армию осведомителей, сотрудников Прокуратуры СССР, следственный состав. Кто они были, их национальный, партийный и социальный состав, уровень образованности, компетентности, осведомленности, способность к формулированию на государственном уровне правильных управленческих решений, не наносящим ущерба личности, государству. Каким образом они оценивали политику в сфере межэтнических отношений, каким было их непосредственное отношение к инациональностям (термин НКВД СССР).

Сталин – во главе Народного комиссариата по делам национальностей

На практике Сталин меньше всего занимался национальной политикой в государстве с самого изначального периода создания Народного комиссариата по делам национальностей и назначения его наркомом. Национальная политика была отдана на откуп Наркомнацу, а именно тем, кто руководил им. Это главным образом заместитель наркома по делам национальностей Г.И. Бройдо, замести-

тель наркома А.З. Каменский, С.М. Диманштейн, М.П. Павлович, В.С. Мицквичюс-Капсукас, М. Вахитов, М.С. Беленький, М.П. Брейдзорт, В.М. Геронимус, Г.А. Кокиев, Р.Я. Карклин, Н.А.-Г. Катханов, В.Г. Меликян, У.Д. Алиев, Ш.А. Манатов, Г.К. Клиндер и другие¹.

Утверждать о том, что якобы как таковой национальной политики в государстве с 1918 – до конца 1920-х годов не было, а это уже звучало и на Ученом совете Института истории РАН, это полностью не соответствует действительному положению дел. Такой подход ведет к недооценке тех преобразований, которые были сделаны в сфере межнациональных отношений в первое десятилетие советов.

Никто не может опровергнуть и вывод о том, что в этой сфере политики ощущаются идеи Сталина. Несомненно, они транслируются в современность, в условия, сложившиеся в 1990-х – 2012 гг. Эти идеи обнаруживают себя в частности в строительстве автономий в национальных анклавах с численностью свыше 500 тыс. населением. И. Сталин замечал: «У нас, в

¹ Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.). Документы и материалы. – М.: ИРИ, 2007. – 446 с.

России, нет республик меньше чем 500 тыс. жителей (по численности населения. – *Н.Б.*), самая маленькая – Крымская, но и там 1100 тыс. жителей». Этим и руководствовались. На Нальчикском окружном съезде (10 ноября 1921 г.) лидер Кабарды Б. Калмыков в связи с этим уже констатировал: «В центре есть определенное постановление, что менее 500 тыс. населения нельзя давать республику, получать автономную область»².

Идеи обнаруживали себя и в национально-территориальном характере государственных образований на территории Союза ССР. Эти установки проявляют себя в формировании координационного центра сферы национальной политики, которым в 1920-е годы был призван стать Народный комиссариат по делам национальностей, занимавшийся проблемами национальных отношений, развитием теории вопроса, внедрением идеи об институте представительств регионов в центре, и наоборот. Это как раз позволяло учитывать интересы самих регионов, т.е. не отбрасывать периферийный аспект, а именно на это и была нацелена политика межэтнических от-

ношений, делать власть более эффективно действующей, результативной.

Сталин в судьбах советского казачества

Сразу же (1918 г.) возникают острые противоречия на юге страны между казачеством и силами революции, например, на Северном Кавказе с так называемым местными «туземцами».

В первой половине 1920-х годов из состава действовавшей многонациональной ГАССР выделялись Ингушская автономная область, Северо-Осетинская автономная область и Сунженский автономный округ. И только в начале декабря 1928 г. было принято решение ВЦИК присоединить Сунженский автономный казачий округ к Чеченской автономной области. А далее предписывалось «после решения реорганизационных мер перейти к переговорам на предмет установления границ между Чеченской автономной областью, Ингушской автономной областью и казачеством, и названными казачьими округами».

Во второй половине 1950-х годов территория, возникшей в 1936 г. Чечено-Ингушской АССР, прирастала

2 Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: социалистический эксперимент. – Майкоп: Меоты, 1994. – С. 98.

еще и казачьими землями Наурского и Шелковского районов, находившихся под юрисдикцией Ставропольского края. Этим, «нехитрым способом» исчезало главное – принадлежность казачеству земель Сунженского казачьего округа и г. Грозного. Наследники терского казачества и в начале 1990-х годов являлись, как и русскоязычное население, жителями Чечено-Ингушской Республики.

Таким образом, казачий Сунженский автономный округ становился составляющей Чечено-Ингушской АССР. С принятием Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (начало 1990-х годов) в отношении казачества» появлялась надежда на восстановление административной единицы сунженских казаков. Было даже принято постановление Верховного Совета Российской Федерации, обязывавшее «осуществить подготовку правовых актов и организационных мероприятий по национально-территориальному разграничению, учитывая при этом интересы казачества и возможности его самоуправления», восстановить Сунженский автономный округ (республику) и Грозненский автономный округ».

Эта политика в 1920-е – 1930-е годы сопровождалась открытым «раз-

базариванием» казачьих территорий, уничтожением казачьих войск как таковых. Значительная часть земельных массивов казачества были перераспределены между надуманными государственными образованиями, возникшими в 1920-е годы. Особенно жестко проводилась эта политика на Северном Кавказе, где «кочки» территорий проживания казачества оказались в новых национально-территориальных образованиях – Кабардино-Балкарская автономная область, Карачаево-Черкесская автономная область, Дагестанская АССР, Северо-Осетинская автономная область, Терская губерния и др. Одним словом, казачество было принудительно распылено.

Проводимое в Союзе ССР национально-государственное обустройство на территории бывшего Терского казачьего войска отразилось на положении казачества. В 1920-е годы это было характерным и для Чеченской автономной области. Как замечают исследователи советского и государственного строительства, в этом регионе создание Грозненско-Владикавказского революционного комитета под председательством Г.З. Ионисиани как раз и явилось начальной стадией советской государственности

сунженско-теркского казачества. При создании Горской АССР в январе 1921 г. такие города как Грозный и Владикавказ с нефтяными промыслами были выделены в самостоятельные административные единицы. Они непосредственно подчинялись ВЦИК и СНХ Горской АССР. В Грозном находилась и резиденция возникшей 30 ноября 1922 г. на основе решения ВЦИК Чеченской автономной области.

И. Сталин делает вывод о невозможном совместном проживании с казачеством. Поставлен был вопрос об образовании Терской республики, затем Терской губернии, просуществовавшей до середины 1920-х годов. Эти примеры (о «разбазаривании» казачьих территорий), можно продолжить, но возникает вопрос: почему все национальные анклавны прирастали исключительно за счет казачьих земель, это особый вопрос, да и о поголовном устранении самих казаков, учиненному им геноциду. Уже тогда закладывалась идея ослабления влияния Центра на Северном Кавказе. Из созданных казачьих отделов в 1920–1930-х годов ни осталось, ни одного. Однако одновременно усиленно формировались автономии этнических общностей, включая и территорию Крыма, и Северного Кавказа.

1930-е годы в истории российского казачества, в частности Юга России отличались определенной противоречивостью в подходах к оценке роли и места казачества в преобразовательных процессах советского государства. Было очевидным разделение казачества как бы на две группы – одна как враждебно настроенная к советам, а остальная и особенно трудовые казаки рассматривались, в том числе и как союзники революционных преобразований. Исходя из этих подходов, выстраивала свое отношение к казакам и власть советов, которые составляли по-прежнему иногородние, а не представители от местного казачества, применительно к казачеству.

В середине 1930-х годов И. Сталин пересматривает и отношение к российским (советским) казакам. Цель очевидна перед угрозой фашизма необходимо было привлечь силы казачества, учитывая особый патриотизм казаков в отношении Отечества.

20 апреля 1936 г. вышедшим постановлением ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» все существующие ранее препятствия, чинимые в отношении службы в армии казаков, кроме лишенных прав по суду, были устранены. На основании приказа наркома обороны СССР

К.Е. Ворошилова возвращались названия ранее существовавших казачьих воинских соединений. 15 мая 1936 г. 10-я территориальная Северокавказская дивизия, дислоцировавшаяся на Терско-Ставрополье, переименовывалась в 10-ю Терско-Ставропольскую территориальную казачью дивизию. Переименовывалась и 12-я территориальная кавалерийская дивизия, дислоцировавшаяся на территории Северокавказского края, в 12-ю Кубанскую территориальную казачью дивизию.

Аналогичные меры были приняты применительно к 13-й Донской территориальной дивизии, к 4-й кавалерийской Ленинградской Краснознаменной дивизии (переименовывалась в Кубано-Терскую)³. Все это обусловлено обострением обстановки накануне войны. Заодно И. Сталин в это время принял усилия по «мобилизации ранее гонимой церкви».

Смена ориентиров в государственной национальной политике

Уже в середине 1920-х годов все направления в сфере этни-

ческих отношений приняли четкие очертания, однако, возможности для их реализации по-прежнему были незначительными. Это осознавал И. Сталин.

Разумеется, установки союзного центра планомерно и последовательно реализовывались на местах по строго разработанному им же порядку. Он определялся не только в государственных актах, но и в высказываниях государственных деятелей той эпохи. Так, выступая на упоминавшемся 23 апреля 1923 г. съезде РКП(б) с докладом о ситуации в национальных отношениях, партийном и государственном строительстве, И. Сталин, отмечая о населении Грузии и Тифлиса, при этом заметил, что «ежели бы Грузия представляла из себя отдельную республику, то тут можно было бы сделать некоторые перемещения населения, например, армянского – из Тифлиса»⁴.

Анализируя декрет «О регулировании населения в Тифлисе», Сталин высказался положительно о такой, по его мнению, гибкой форме как «разгрузка» (выселение. – *Н.Б.*), с помощью которой «можно было

3 Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917 – 90-е годы). – М., 2000. – 96 с.

4 Сталин И. В. Сочинения. Том 5. – М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1951. – С. 253-254.

бы, соблюдая видимость интернационализма, устроить дело так, что армян в Тифлисе оказалось бы меньше»⁵.

Об этом же Сталин отмечал и в выступлении на 4-м совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 9–12 июня 1923 г., созванном по его инициативе, где рассматривались практические мероприятия по проведению в жизнь резолюций XII съезда РКП (б) по национальному вопросу.

Не случайно уже в 1924 г. появляется сомнение в возможностях реализовать в сфере национальной политики намеченные планы. При осуществлении комплекса мер, связанных с урегулированием национальной напряженности в Тбилиси (Грузинская ССР), Сталин советует «проводить национальную политику, опираясь на принцип видимого интернационализма», т.е. то же самое, что «по факту истории»⁶.

Это получило практическое преломление в оценке действий правительства Грузинской ССР в Тбилиси. Факт не остается незамеченным и в российской историографии. Ф.

Синицын в своем исследовании, рассматривая эволюцию национальной государственной политики в Союзе ССР, по этому поводу замечает: «Сталину уже в середине 1920-х годов стало ясно, что установление всемирной пролетарской диктатуры невозможно, если средством к ее достижению будет абстрактный «пролетарский интернационализм»⁷. Одним словом, И. Сталин придерживался принципа в большей мере октроированной политики, т.е. сверху данной.

По нашему мнению, И. Сталин переосмыслил коренным образом свое отношение к так называемым «титульным» общностям и национальным меньшинствам. Им была дана характеристика, исходя из реального состояния дел. Он все больше выступал сторонником не трансляции дел на периферию, а концентрации усилий на реализации управленческой системы в центре, отсюда и определенное сворачивание этой бурной деятельности в сфере политики межэтнических отношений. Поэтому эта составляющая развития общества все более теряла контуры и отодвигалась на задний план.

7 Синицын Ф. За русский народ. Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. – М.: Эксмо, 2010. – С. 37.

5 Там же.

6 Там же.

Сфера образования – составляющая национальной политики и преобразования в культуре

В отношении самих народов разворачивалась политика принятия алфавитов, словарей, издания газет, литературы, вовлечение малограмотного населения в революционную борьбу, в общественно-политическую жизнь и других преобразований в сфере культуры. Однако в большей мере эти акции носили вербальный характер. Провозглашение лозунгов – это одно, а реальность была совершенно иной. Т.е. в данном случае в таких сложных социально-экономических, этнополитических отношениях регионах России надо было проявлять и гибкость, и осторожность. В первую очередь надо было изменить ситуацию, особенно применительно к образованию. Более глубокий анализ этих общественных явлений сразу же заставляет расставить некоторые точки над и.

На Северном Кавказе уровень грамотности населения был катастрофически низок даже по сравнению с другими российскими регионами.

В 1920 г. на тысячу жителей региона приходилось всего 281 грамот-

ных. Особенно плохо обстояло дело в горских республиках. Так, в Чечне только 0,84 % взрослого населения умело читать и писать по-русски, в Ингушетии – около 3 %, в Кабардино-Балкарии – 7 %, в Северной Осетии – 14,7 %. Это создавало трудности для формирования в регионе лояльного советского большинства, как и для включения Северного Кавказа в единое советское социокультурное пространство⁸. Сравнительно низкий уровень грамотности населения Северного Кавказа оставался и в конце 1920-х годов. Например, в Кабардино-Балкарской АССР в этот период он составлял 23,6 %, в Ингушетии – 23,8 %, в Карачае – 12,1 %⁹.

8 Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). – Майкоп: Меоты, 1995. – С. 251; Котов В. Северный Кавказ в 30–40-е годы. Проблемы этнодемографического развития // Россия XXI век. – 1996. – № 1-2. – С. 66-80; Хутыз К.К. Хутыз К.К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки (на материалах народов Северного Кавказа). – Ростов-на-Дону: Ростовский гос. университет, 1993. – С. 126.

9 Кожемяко Т.Н., Борисенко С.Н., Федоренко А.И. Ликвидация неграмотности как основа изменения социокультурного пространства Северного Кавказа в контексте советской модернизации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/yandsearch.&clid=1932033&lr=213>

Однако на практике это не означает, что политика в сфере национальных отношений оставалась без внимания со стороны руководства. И в условиях господствовавшего принципа персонализации власти решались многие проблемы управления межэтническими отношениями. Получало поддержку стремление этнических общностей к знаниям, обретению образования. В условиях нехватки средств, отсутствия подготовленных кадров, пришлось испытывать огромные трудности в реализации намеченных мер.

Так, например, в связи с отсутствием на местах преподавателей курдского языка (Грузия, Армения, Азербайджан), курдам приходилось обучаться в школах, в которых преподавание велось на русском языке. А со второй половины 1930-х изучение русского языка становилось обязательной нормой на основе принятого 13 марта 1938 г. Советом Народных Комиссаров и Центральным комитетом ВКП(б) постановления N 324 за подписями Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. Молотова и Секретаря Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталина «Об обязательном изучении русского язы-

ка в школах национальных республик и областей»¹⁰.

В документе констатировалось, что «преподавание русского языка в школах национальных республик и областей поставлено неудовлетворительно. Одной из основных причин такого положения в деле изучения русского языка явилась подрывная работа контрреволюционных троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов, пролезших в отдельные звенья партийного, советского аппарата и в органы народного образования».

Эта подрывная деятельность согласно постановлению была направлена на то, чтобы «сорвать проведение ленинско-сталинской национальной политики и подорвать братское единство народов СССР с русским народом». Необходимость преподавания русского языка, как предмета изучения в школах национальных республик и областей, диктовалась тремя основными мотивами:

10 Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г. N 324 // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mail.yandex.ru/neo2/#message/2380000001184288898>

Во-первых, в условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка являлось мощным средством связи и общения между народами Союза ССР, способствовавшим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту.

Во-вторых, овладение русским языком содействовало также дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний.

В-третьих, знание русского языка обеспечивал необходимые условия для успешного несения всеми гражданами Союза ССР воинской службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота.

В связи с этим Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановлением предписывали:

«1. Ввести преподавание русского языка, как предмета изучения в школах национальных республик и областей, с 1-го сентября 1938 г., предложив ЦК нацкомпартий и совнаркомам республик обеспечить издание соответствующих законов.

2. Изучение русского языка во всех нерусских начальных школах ввести со II класса и во всех неполных

средних и средних школах с III класса обучения»¹¹.

Наркомпросы союзных республик обязаны были составить и издать к началу 1938 – 1939 учебного года букварь, книги для чтения, учебники по грамматике русского языка, учитывая особенности изучения русского языка отдельными национальностями (учет особенностей родной речи, учет местной действительности и т.п.). По мере подготовки специалистов по родным языкам, они также получали поддержку в одних школах по продолжению обучения родным языкам, в других по созданию основ для их преподавания.

Состояние сферы межэтнических отношений

Однако направленность национальной политики была очевидной – концентрация власти и ее усиление. Не случайным явлением оставалось формирование новых административных образований на территории России – краев, куда загонялись автономные республики. Все эти акции имели под собой основание – безудержный, бандитизм, не прекращавшийся в регионе с 1920-х годов, нежелание

¹¹ Там же.

пробывания в колхозах, сепаратизм, тенденция к разбеганию, отсутствие желания подчиняться центру. В 1930-х годах была закончена «игра» в демократию, устранены национальные районы, округа и советы. Заметно сокращались меры политики коренизации аппарата власти. (Многие из этих факторов проявились и в момент превращения автономий в российские республики в 1990-е годы).

Тем не менее административные реформы не улучшали положение в сфере межэтнических отношений. Сепаратизм, конфронтации, консервативность мышления разъедали изнутри это гособразование. Во второй половине 1930-х годов с ними было покончено. Предоставленная свобода несколько снизила уровень напряженности в регионе, но не устранила ее.

Затем последовал предвоенный и военный период, сопровождавшиеся и шпиономанией и подозрительностью, и появлением института «неблагонадежных», недоверия военным спецам из представителей этнических меньшинств.

Из 1 602 000 человек, арестованных в 1937–1939 гг. по политическим статьям Уголовного кодекса, 346 000 человек были представителями этнических меньшинств, причем 247 000

из них были расстреляны как иностранные шпионы. Из арестованных чаще других казнили греков (81 %) и финнов (80 %) ... В то же время в заключении оказались 16 % всех проживавших в стране поляков...»¹².

Естественно карательные меры предпринимались к каждой общности в отдельности. Так, общее состояние польской общности на территории Союза ССР представлено в материалах Всесоюзной переписи населения 1939 года. Обобщенные данные по полякам свидетельствует о том, что в целом в Союзе ССР накануне войны поляков насчитывалось 147 545 человек, из них в городах проживали 96 750 чел., в сельской местности – 51 795 человек.

В дальнейшем обстановка по отношению к полякам еще более усугублялась. События кануна войны 1941-1945 гг. внесли особо заметные коррективы. Акцент на «неблагонадежность» поляков заметно усиливался.

В 1937 г. следовали одна за другой операции по разоблачению поляков в занятии шпионажем в пользу Польши. Еще в январе 1937 г. И. Ста-

12 Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2003. – С. 132.

линым было получено спецсообщение о разоблачении «Польской организации войсковой». Сюда был приложен и протокол допроса заведовавшего кафедрой социально-экономических наук Московского института механизации и электрификации поляка Т.Ф. Домбалея. Он уличался в связях с состоявшим в это время в запасе РККА в должности командира полка поляком С.М. Пуначевским¹³. Следственный аппарат работал исправно, протоколы с подобным содержанием поступали Сталину один за другим.

Обобщая эту работу, И. Сталин в выступлении на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), заметил: «Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующая на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства...»¹⁴. Сталин не преминул возможности тут же начертать в своем выступлении комплексную програм-

му последующих действий с учетом сложившейся ситуации.

В сентябре была получена достоверная информация о ситуации по этому вопросу в Западно-Сибирском крае. Сообщалось, что на 10 сентября 1937 г. арестовано 1490 человек, из них польских перебежчиков – 944, военнопленных Польши – 30, политэмигрантов – 30, членов ППС, прочих польских контрреволюционных националистов – 471. Также сообщалось, что из этого числа были заняты в оборонной промышленности – 144 человека, на транспорте – 22, на предприятиях обороной промышленности – 369, в сельскохозяйственных и других учреждениях – 954, РККА – 6 человек¹⁵.

В это время Н.И. Ежов направляет И. Сталину спецсообщение «О ходе польской операции («национальной». – *Н.Б.*)», хотя еще и не было принято специального постановления по «польским шпионам». И тут же Н.И. Ежов доносил секретарю ЦК ВКП(б), что в результате дальнейшего хода операции по ликвидации кадров польской разведки на 10 сентября 1937 г. из числа польских перебежчиков, политэмигрантов, военнопленных, консульских связей и других

13 Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. – М.: Материк, 2004. – С. 41.

14 Там же. С. 95.

15 Там же. С. 362.

контингентов, подозрительных по польскому шпионажу арестовано по СССР – 23 216 человек. В это количество входили по УССР – 7651 человек (из них сознались 1138 человек), Ленинграду – 1832 (637), Московской области – 1070 (216), БССР – 4124, Западной области – 837, Западной Сибири – 1235, железнодорожному транспорту – 2943 человек¹⁶.

Судя по всему, это был и ответ на недавнее обращение И. Сталина к Н.И. Ежову с предложением об усилении контроля над Оренбургской областью, где, по имевшимся данным, имели место проникновение в мобили-

зационное управление округа все тех же шпионов, в райвоенкоматы и Оренбургскую авиационную школу. Сталиным тут же было предложено Н.И. Ежову «завербовать поляка (одного или нескольких) из Оренбурга для выявления польских шпионов во всех остальных областях (СССР. – *Н.Б.*), проверить весь мобилизационный аппарат на месте и в центре»¹⁷.

Ничем другим нельзя объяснить и меры, предпринимавшиеся применительно к полякам Самарской области, когда по приказу Сталина были расстреляны учителя, работавшие в области с 1920-х годов, а также представители других отрядов интеллигенции из поляков, члены действовавшего в тот период в Самаре Польского рабочего клуба¹⁸.

Уже 15 сентября 1937 г. Нарком НКВД СССР утвердил циркуляр № 84 «Об оперативных мерах в системе мобилизационных аппаратов, военкоматах, учебных центрах»¹⁹. Информация из Казахской ССР свидетельствует о

16 Там же. С. 352. К 10 сентября 1937 г. было осуждено и расстреляно 1251 польский агент. (Там же. С. 359). Сведения о действия карательных органов власти в этот период, системе их работы, выстроенном процессуальном порядке, введении так называемого «альбомного» порядка, организации «особых троек», работавших по национальным линиям, итогах этих мер были ошеломляющими. По данным Н.В. Петрова, А.Б. Рогинского, процент расстрелянных по «национальной линии», в частности, «польскому приказу», имел следующие показатели, были рассмотрены дела на 143 810 человек, из которых осуждено было 139 835 человек. Это составило 77,25 % от числа рассмотренных дел и 79,44 % – от числа осужденных (См.: Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. – М.: Звенья, 1997. – С. 33).

17 Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. – М.: Материк, 2004. – С. 650.

18 По данным автора, в числе пострадавших были учителя Кряжмская, Милош, Воложинская, Пеньковский и др.

19 Там же.

том, каким образом выполнялась эта операция применительно к полякам республики. Здесь было арестовано 405 поляков, в том числе по Турксибу – 49 человек, по войскам НКВД – 2 человека, по НКВД Казахской ССР – 2 человека, перебежчиков – 210 человек, бывших военнопленных – 2 человека, польского контрактива – 162 человека²⁰.

Некоторое время спустя, а именно 31 января 1938 г., на заседании Политбюро ЦК ВКП (б), протокол № 57, было принято постановление, в котором читаем: «...Продолжить до 15 апреля 1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранноподданных, так и советских граждан, согласно существующим приказам НКВД СССР»²¹.

Здесь же постановлением предлагалось «погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР»²². В марте 1938 г. последовал судебный

процесс над 9 шпионами-поляками в Минске. За один только день, 20 марта 1938 г., сотрудниками УНКВД по Калининской области было арестовано 1918 членов так называемых «иноразведок», в том числе латвийской – 1115 человек, польской – 334 человека, немецкой – 142, эстонской – 107 человек²³. В этом же месяце последовал судебный процесс над 9 шпионами-поляками в Минске. Одним словом, работа усиленно продолжалась.

Поиск шпионов обеспечивали областные службы. 24 марта 1938 г. Сталин ознакомился с содержанием сводки, поступившей из Тульской области, в которой сообщалось, что с 1 октября 1937 г. в области было «арестовано 1646 человек, из них по «польской линии» – 824 человека. С 15 по 20 марта 1938 г. было арестовано в этом числе 127 человек, из них «по польской линии» – 91 человек... «Операцию по Вашей директиве продолжаем»²⁴, – читаем в документе.

События кануна войны 1941–1945 гг. внесли заметные коррективы в

20 Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. – М.: Материк, 2004. – С. 373.

21 Там же. С. 468.

22 Там же. С. 469.

23 Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции НКВД по приказу № 00447. – М.: Новый хронограф, 2008. – С. 301.

24 Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. – М.: Материк, 2004. – С. 503.

судьбу поляков. Уже в середине 1930-х гг. И. Сталин рассматривал поляков, проживавших на западных окраинах Союза ССР, как «неблагонадежный элемент». Характеризуя систему национальной политики в целом в этот период советской государственности, очень четко подмечает в связи с этим Л.С. Гатагова: «Одной из чудовищных издержек политики государственного террора в сфере этнополитики, – пишет автор, – стала практика ранжирования национальных меньшинств по степени их благонадежности»²⁵. Всячески приветствовалось очищение западных рубежей Союза ССР от инонациональностей, термин введен в обращение идеологическими структурами НКВД СССР.

Формула недоверия и неблагонадежности народов

Сфера политики межэтнических отношений не оставалась без внимания. Необоснованная подозрительность со стороны власти к представителям ряда национальностей выразилась в отзыве с 1937 г. представителей «неблагонадежных народов»

25 Гатагова Л.С. Национальная политика в 1920-30-е годы в СССР. Рукопись. – М., 2010. – С. 141.

из сферы обороны, предприятий по изготовлению военной техники, конструкторских бюро.

Одна из трагических страниц истории принудительных переселений – отказ молодым людям, относящимся к репрессированным народам, в праве на защиту своего Отечества. В этом направлении продолжалась и «нормотворческая» работа. Еще 20 июля 1937 г. в качестве приложения к протоколу заседания Политбюро ВКП(б) появилась записка Сталина (П 51/324), в которой предписывалось «всех немцев на наших военных, полувосенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях арестовать».

По директиве Наркомата обороны от 24 июня 1938 г. (по неполным данным) особые отделы выявили около 13 тыс. подлежащих увольнению «националов». Проверка завершилась изъятием военнослужащих разных национальностей из рядов Красной Армии. 2 тыс. из 4 тыс. уволенных были арестованы.

Позднее на службе в армии были восстановлены лишь 1919 человек²⁶. В 1938 г., по данным И.И. Шуль-

26 Сувениров О.Ф. Трагедия РККА, 1937–1938. – М.: Терра, 1998. – С. 311; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 //

ги, из командного состава увольнялись в запас 4800 человек (немцев, поляков, латышей, эстонцев, корейцев, финнов, литовцев, турок, румын, венгров и болгар)²⁷. В директиве «О сроках и порядке призыва в РККА в 1939 году» Наркомат Обороны СССР предусмотрел «отказ от призыва социально-опасных призывников». Документ включал и этническую компоненту.

Затем последовал приказ наркома Н. Ежова по всем органам НКВД СССР с указанием арестовать работающих немцев (на артиллерийских, снарядных, винтовочно-пулеметных, пороховых и т.п. заводах), выселить часть арестованных за границу. На основе предписания (П 60/91) от 10 апреля 1938 г. проводилась тут же «чистка» военных заводов Тульской области и железной дороги²⁸. В самый

разгар репрессивных воздействий на граждан Дальнего Востока, 24 июня 1938 г. была принята Директива Наркомобороны СССР за № 200/ш. Основное ее требование сводилось к тому, чтобы немедленно были изгнаны из сферы обороны не только корейцы, но также поляки, немцы, румыны, латыши, эстонцы и представители других этнических общностей. К началу осени 1938 г задача была уже выполнена.

Вскоре после издания директивы 200/ш (по очень неполным сведениям: без данных по Киевскому и Забайкальскому округам, по Тихоокеанскому флоту и Дальневосточной флотилии) особыми отделами было выявлено около 13 тыс., подлежащих увольнению «националов», четыре тысячи из них уволено, две тысячи из числа уволенных арестовано²⁹.

Следует отметить, что и в этот период политику И. Сталина в отношении решения общегосударственных проблем в сочетании с национальной составляющей можно было бы также разделить по своему содержанию и характеру на две части. Первая из них, конечно же, обуслов-

Репрессии против российских немцев. Материалы научной конференции. – М., 1998-1999. – С. 35-74.

27 Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. – М.: Международный союз немецкой культуры, 2008. – С. 101.

28 АП РФ. – Ф. 3. – Оп. 58. – Д. 255. – Л. 21; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 // Репрессии против российских немцев. Материалы научной конференции. – М., 1998-1999. – С. 35-74.

29 Там же; Сувениров О.Ф. Трагедия РККА, 1937-1938. – М.: Терра, 1998. – С. 311.

ливалась военным временем, а отсюда и вытекающими последствиями тех принимаемых решений, которые имели место, тенденции к традициям, а также последующему их совершенствованию и наполнению. Они в большей мере предлагались И. Сталиным и вводились в практику. В числе их, например, возвращение гвардейских званий (май 1941), формирование 23 июня 1941 г. Ставки главного командования, учреждение самого поста Верховного Главнокомандующего (8 августа 1941 г.), смена направлений пропаганды, обращение к великой русской нации («старшему брату»). Как верно по этому поводу замечает исследователь Ф. Сеницын, И. Сталин перевел на новую основу национально-патриотические силы в условиях войны. Были обозначены такие приоритетные направления как консолидация народов, возвращение и апелляция к лучшим патриотическим традициям русского народа, его национального фактора, совершенствовались формы восстановления самозащиты, формирования национального сознания граждан страны, включая и русский народ. Наполнялась новым содержанием пропаганда русских традиций, связь русского с другими народами, с учетом приоритетной славян-

ской составляющей в Красной армии (84,7 %) ³⁰.

Однозначно, война, с одной стороны, консолидировала многонациональное сообщество страны, подчиняя этой задаче проводившиеся изменения в нациестроительстве. О подчинении происходящих изменений функций советского аппарата в союзных республиках свидетельствует тот факт, что были расширены права народов СССР (постановление ЦК КПСС от 18 июля 1941 г.). Такая мера обуславливалась прежде всего увеличением объема работы на местах. Некоторым органами власти, партийным организациям приходилось переходить к работе в подпольных условиях (подпольные обкомы, райкомы и др.), они действовали как партийно-советские органы

Углублялись отношения с советскими республиками, создавались автономные области, республики на территории РСФСР, других союзных республик. Определенные трансформации национально-государственного строительства были свойственны в период войны 1941–1945 гг. и для некоторых других государственных об-

30 Сеницын Ф. За русский народ. Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. – М.: Эксмо, 2010. – С. 37.

разований на территории Союза ССР. Прежде всего это касалось *Карело-Финской ССР*, изменялся ее статус в системе союзного государства.

27 марта 1940 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по преобразованию Карельской АССР в Карело-Финскую Союзную Советскую Республику»³¹. С этим периодом связана и трансформация Тувинской Народной Республики в Тувинскую автономную область с последующим ее вхождением в состав Союза ССР³². Завершалось административно-территориальное разделение, принимались конституции, в которых национальная политика находила свое отражение с учетом специфики национальных государственных образований на территории Союза ССР.

Погружение общества в бифуркационное состояние. Принудительное переселение народов

С другой стороны – в государстве создавались условия для возникновения *бифуркационного состояния*.

31 ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933-1945. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 532.

32 РГАСПИ. – Ф. 556. – Оп. 14. – Д. 90. – Л. 123.

О чем свидетельствует и появление новых социальных институтов: коллаборационизм, уклонение от службы в Красной армии, дезертирство и др., явившиеся основой для принятия деструктивных мер в политике национальных отношений.

Военная обстановка своим развитием как бы создавала условия для открытого выступления противодействующих сил. Усиление их происходило за счет дезертиров из рядов Вооруженных Сил СССР. Заметным источником пополнения этих контингентов становились и уклонявшиеся от службы в Красной Армии.

Вероятно, не случаен и тот факт, как реакция на существовавшую действительность – появление в военной обстановке таких социальных институтов уже на первых порах войны как дезертирство и уклонение от службы в армии. Динамика их выглядит следующим образом: за период со второй половины 1941 г. и второй половины 1944 г. они составили соответственно по Северному Кавказу – 49 362 – 13 389 – (всего – 62 751), Закавказью: 29 940 – 18 417 (48 357), Средней Азии: 41 980 – 17 869 (149 849), Центральным областям: (+ Белорусская ССР, Карело-Финская ССР, Молдавская ССР, Украинская ССР, Башкир-

ская АССР, Коми АССР, Крымская АССР): 391 062–198 578 (598 640). Всего по Союзу: 1 210224 – 456 667 (1 666 891)³³.

Страх расправы заставлял многих уходить в леса, пополняя и создавая новые повстанческие группы, переходившие на путь бандитизма.

Эта ситуация высветила многие негативные стороны советского общества (предательство, участие в бандформированиях, отказ от участия в защите Отечества, поддержка нового режима власти, стремление уйти из-под влияния колхозов и др.). Все эти факторы содействовали формированию мощной альтернативной силы на территории государства, наибольшее проявлением которой было ощутимым на Северном Кавказе, в его национальных регионах

В современной российской историографии все беды, несовершенство установок осуществлявшейся национальной политики списываются, как правило, на счет И. Сталина как руководителя государства, Н.И. Ежова, Л.П. Берия, как в современной транскрипции значится, лидеров «силовых» министерств, призванные

осуществлять пагубную по своей направленности политику.

Чтобы акции по принудительному переселению имели под собой юридическую основу еще 14 октября 1942 г. Государственный комитет Обороны издал постановление за подписью И. Сталина № ГОКО-2409 сс «О распространении постановления ГОКО № 1123 сс и № 1281 сс на граждан других национальностей воюющих с СССР стран».

Начиная с середины 1930-х – до конца 1940-х гг., по данным созданного в марте 1944 г. в структуре НКВД СССР Отдела спецпоселений, на территории страны среди переживших принудительное переселение насчитывалось 1 024 722 гражданина немецкой национальности («российских немца»).

Наряду с немцами было около 640 чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, около 102 тыс. калмыков, 692 тыс. бывших кулаков, в число которых входили и представители русской национальности, 194 тыс. крымских татар, около 40 тыс. греков, армян и болгар из Крыма, около 50 тыс. греков из районов Черноморского побережья Грузии, Краснодарского края и Ростовской области около 100 тыс. турок из Месхетии, курдов, хем-

33 Репрессированные народы России: чеченцы и ингуш. – М., 1994. – С. 114-115.

шинов; более 400 тыс. поляков, граждан Украины и Белоруссии, около 230 тыс. литовцев, латышей, эстонцев, 12 тыс. финнов, 172 тыс. корейцев, 8 тыс. китайцев, 8 тыс. иранцев и представители других этнических общностей.

При этом применительно к Закавказью процесс принудительных выселений не завершился и в начале 1950-х годов. Эти акции имели место и в Грузинской ССР. Так, Советом Министров СССР было издано 10 августа 1951 г. распоряжение № 14133 рс за подписью председателя Совета Министров СССР И. Сталина со следующим содержанием:

«1. Принять предложение МГБ СССР о выселении с территории Грузинской ССР выявленных органами МГБ 69 человек иранцев, греков, турок и дашнаков, которые в момент выселения из Грузии указанных контингентов в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 2214-856 от 29 мая 1949 г. и № 727-269 от 21 мая 1950 г. отсутствовали по месту их жительства.

2. Обязать МГБ СССР (С. Игнатъева) произвести в течение августа 1951 года выселение из Грузинской ССР лиц, указанных в п. 1 настоящего распоряжения, согласовав персональный список выселяемых с Первым

Секретарем ЦК КП (б) Грузии т. Чарквиани К.Н.»³⁴.

В 1950-е годы в Грузии переселение затронуло и другие категории национальных меньшинств. Оно проводилось на основе Постановления Совета Министров СССР № 4893-2112 сс от 29 ноября 1951 г. Из пределов Грузинской ССР выселялись навечно в Южно-Казахстанскую и Джамбульскую области Казахской ССР близкие родственники (родители, сыновья с их семьями, дочери, братья и сестры, проживавшие отдельно (на которых имелись компрометирующие материалы), эмигрантов, изменников родине и невозвращенцев, проживавших за границей и проводивших активную подрывную работу против Советского союза; эмигрантов и изменников родине из числа грузин, аджарцев, проживавших в Турции; эмигрантов и изменников родине из числа районов Грузии с мусульманским населением, проживающих в Турции, а также рэмигрантов, прибывших в Грузию в 1946–1949 гг. из Франции, Ирана и Китая; бывших военнопленных, служивших в национальных формированиях бывшей немецко-фашистской

34 Архив Президента Российской Федерации. Коллекция документов. Копия с оригинала.

армии; бывших закордонных ходоков, подозревавшихся в связях с турецкой разведкой, с их семьями – общим количеством 6300 человек³⁵.

Изучение литературы по теме, комплекса архивных материалов, итогов состоявшихся конференций, заседаний «круглых столов» позволяет в обобщенном виде определиться в причинах, лежавших в основе проводимых акций в 1940-х – начале 1950-х годов со стороны правительства Союза ССР по принудительному выселению граждан. В их числе следующие: нарушение элементарных основ демократии: необходимость упрочения существовавшего режима власти; принятие мер к сопротивлению проводимому курсу партии в государственном строительстве, в преобразовании сфер экономики, строившейся на социалистических принципах (коллективизация, индустриализация); выступление против идеологических установок партии; игнорирование учета влияния международной обстановки, создававшихся сложной ситуации на пограничных территориях; превентивное обвинение этнических общностей, в том числе и по причи-

не принадлежности к той этнической общности, с которой велась война; решение проблемы с трудовыми ресурсами по обеспечению строек на территории страны; возвращение новых территорий и восстановление их в структуре СССР; решение пограничных территориальных споров; проявление негативных взглядов на вопрос о защите Отечества, дезертирство, уклонение от службы в армии, сотрудничество с оккупационными властями, уклонение от службы в Красной армии; шпионаж; предательство; наличие недисциплинированных и опустившихся людей в обществе, тунеядство и др.

Самостоятельным разделом выступает в исследовании национальных процессов в 1920-е – начале 1950-х годов и отношение И. Сталина к этническим меньшинствам, рассмотрение их в качестве производственного ресурса разных регионах Союза.

Утверждение нового советского строя в 1920–1940-е годы в Союзе ССР протекало противоречиво, были ощутимыми на практике большие отклонения от тех лозунгов, которые объявлялись в качестве основополагающих в выстраивании новой государственности, упрочении союза между народами. Особенно негативными

35 Бугай Н.Ф. По решению Правительства Союза ССР... – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – С. 623-634.

были меры Советской власти, связанные с принудительными переселениями национальных меньшинств.

Функционировавший властный режим полагал, что такой путь в управлении национальными процессами, выстраивания гражданского сообщества эффективен и реален, проверенный многими веками. Разумеется, что развитие событий не предопределялось теми лозунгами, которые были начертаны на знамёнах этого многонационального сообщества, теми принципами, которые провозглашались основой его строительства, в конкретном случае – социалистического общества.

Примеров для этого более чем достаточно. Так, СНК РСФСР 5 сентября 1918 г. приняло постановление о красном терроре. Это в полной мере в рассматриваемый период коснулось польского меньшинства. В приказе № 2/69 по Киевскому округу читаем: «Провести беспощадный массовый террор по отношению к полякам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе против Советской власти»³⁶. Нечто подоб-

ное было зафиксировано под копирку Оргбюро ЦК РКП(б) 24 января 1919 г. в его печально известном циркуляре массового террора (Я.М. Свердлов) против казачества во всех регионах страны, в котором также указывалось «провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»³⁷.

Концепция подобной государственной национальной политики очевидная. Она находила своё проявление на практике уже применительно к 1918 – первой половине 1920-х годов. Именно в этот период, например, на Северном Кавказе, в Закавказье, других регионах прибегали в целях достижения покорности разных этнических общностей и стабильности, по замечанию Н.И. Бухарина, к принципу «пролетарского принуждения», к принудительным переселениям противостоявших режиму сил. Одним словом, считалось, что метод оправдывает своё назначение.

36 Хамович А.С. Страна – судилище и исправительный лагерь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/10/Hamovich.htm>

37 Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – С. 129-130.

Видение И. Сталиным места и роли этнических меньшинств в системе преобразований в Союзе ССР в 1920-е – 1930-е годы отчетливо прослеживается уже в тезисах, подготовленных комиссией ЦК накануне X съезда РКП (б). Многие из этнических меньшинств будут, по его же воле высланы, принудительно переселены. Так, этнические общности Северного Кавказа, Закавказья объединялись под общим названием «горцы» и рассматривались как отсталые, сохранявшие патриархально-родовой быт, хотя жители горных районов и равнинных заметно отличались по укладу хозяйствования, навыкам, традициям.

Вторая группа этнических общностей, а именно поляки, евреи, греки, немцы, болгары, курды, хемшины и другие были причислены И. Сталиным к «текущим национальным группам», в большинстве своём, не имеющим определенной классовой структуры и определенной территории.

Такой подход к оценке этнических меньшинств открывал широкие возможности прибегать к разным противоречивым, антиконституционным манипуляциям в отношении их, а также когорт населения, принадлежавших к различным этническим

общностям: у национальной группы, этнического меньшинства нет исторической родины (территории), значит, ее можно легко переселить, использовать в интересах государства. И в этом было главное в видении И. Сталиным возможности управления межнациональными отношениями, достижения стабильности в обществе, не только предупреждения действия, но и возможности воспрепятствовать появлению каких бы то ни было альтернативных режиму сил.

Свою концепцию И. Сталин проводил и через решения состоявшегося ещё в 1923 г. XII съезда РКП(б). В его схеме не оставалось места различиям, существовавшим между этническими общностями, особенностям их культуры, степени их религиозности, открытости или замкнутости и т.д.

В последующем эта же мера распространялась и на народы других национальных окраин, в частности, проживавших на западных границах Союза ССР.

Заключение

В целом же в 1920-х – первой половине 1930-х годов выстраивание системы межэтнических отношений осуществлялось в стране в крайне

неспокойной обстановке, в условиях противоборства разнонаправленных сил, несформировавшейся управленческой элиты, и особенно национальной, на местах.

Трудно поддавались решению такие вопросы как устранение противоречий между экономическими интересами и национально-административным делением. Это и проявление тенденций антисоветизма на местах, длительное противостояние органам власти, противодействие объединению усилий в экономическом плане, сепаратизм и др. Удалось преодолеть частично эти трудности, как заключал Н.И. Бухарин, благодаря «пролетарскому принуждению», и то только в период 1929–1941 годов. Безусловно, методы и формы решения этой проблемы приобретали ярко выраженный командно-силовой стиль государственно-бюрократического управления.

Постепенно национальная составляющая в деятельности государственных органов власти отступала на второй план. А в середине 1930-х годов вообще последовал отказ даже от проведения созыва Всесоюзного совещания по вопросам языка, письменности национальностей Союза ССР. И, тем не менее, сфера нацио-

нальных отношений постоянно требовала внимания со стороны Правительства Союза ССР.

Заметно отличались формы управления национальными отношениями со стороны государства в условиях сложившейся авторитарной системы власти в 1930–1950-е годы, сопровождавшиеся применением жёстких репрессивных мер в первую очередь по политическим мотивам, что не могло не наносить ощутимый ущерб консолидации общества.

Важную роль играли и налаживавшие отношения с тем или иным государством, но особенно с государствами представители народов которых, как жители Союза ССР подвергались репрессиям. Вот документы подобного образца «Из постановления ГКО СССР (июнь, 1945 г.)

1. Обязать НКВД СССР (тов. Берия):

а) возратить в организованном порядке к местам постоянного жительства всех поляков по национальности, являющихся жителями Польши и немецких территорий, отошедших к Польше, мобилизованных при очистке тылов действовавшей Красной Армии в соответствии с постановлением ГКО № 7567 сс от 3 февраля 1945 г. и находящихся на работе в промышлен-

ности, в составе рабочих батальонов и мобилизованных немцев;

б) освободить из лагерей для военнопленных и отправить на родину поляков по национальности, польских граждан-жителей Польши и немецких территорий, отошедших к Польше, взятых в плен в составе немецких войск.

2. Обязать НКПС (Ковалева) и ЦУПВОСО (Дмитриева) обеспечить подачу эшелонов и отдельных вагонов по заявкам НКВД СССР для отправки освобождаемых польских граждан на родину.

Сталин»³⁸.

Здесь же представлялась и необходимая информация для принятия управленческих решений. «Товарищу Сталину И.В. 17 июня 1945 г.

В лагерях и тюрьмах НКВД СССР находятся всего польских граждан – 25 047 человек:

в лагерях интернированных – 12 280 чел.,

в пунктах фильтрации (ПФЛ) – 9185 чел.,

в лагерях ГУЛАГа – 2285 чел.,

во фронтовых лагерях и тюрьмах – 1297 человек

Кроме того, в лагерях НКВД СССР для военнопленных имеются во-

38 ГАРФ. Ф. – Р. 9401. Коллекция.

еннопленные поляки, служившие в немецкой армии и взятые в плен в составе немецких частей – 3273 человека в рабочих батальонах, находящихся в УССР из числа мобилизованных в немецкой Силезии немцев, которые считают себя поляками – 7202 человека... »³⁹.

Л. Берия

Наряду с поляками такие меры коснулись многих этнических общностей. В то же время следует отметить, что партийные и государственные органы власти всячески пресекали практику насаждения, например, в районах и селах с большинством белорусского населения принудительного обучения белорусских детей на польском языке и другие акции, противоречившие мерам по установлению сбалансированных отношений между национальными меньшинствами⁴⁰.

Все это были составляющие проводимой национальной политики И. Сталиным в Советском Союзе в 1920-е – начале 1950-х годов, нанесшей непоправимый ущерб этническим общностям, подвергшимся репрессивным воздействиям со стороны государства, их сплочению, повлек-

39 ГАРФ. Ф. – Р. 9401. – Оп. 2. – Д. 96. – Л. 343-344.

40 ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933-1945. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 66.

ших за собой трансформацию самосознания и национального сознания репрессированных граждан. Очевидным было нарушение конституционных прав граждан, недоверие им в исполнении своего гражданского долга в годы войны по защите Отчизны.

Говоря современным языком, следует упомянуть также и о своеобразной составляющей сферы национальной политики, это формирование нормативно-правовой базы, осуществление политики и разработка механизмов реализации мер по работе с военнопленными и репатриантами на территории Союза ССР. Несомненно, в данной сфере влияние Сталина было первостепенным, а идеология оставалась строго направленной на перевоспитание, формирование самосознания этих контингентов, пребывавших временно на территории страны.

Здесь приходилось проводить работу с представителями разных национальностей, с учетом распределения сил на международной арене. Репатрианты на территории Союза ССР были представлены поляками, немцами, венграми, корейцами, румынами, чехами, словаками, итальянцами, болгарями и др. Меры по репатриации осуществлялись под строгим контролем со стороны государства.

Глубокое и всесторонне изучение материалов по теме, появление новых публикаций, сопоставление их позволяет сделать вывод: очевидно, ни один Сталин или Ежов с Берией были виновниками применения подобных мер по воздействию на целые народы, взятых ими методов из прошлого на вооружение, по «наказанию» этнических общностей и т.д. В этом случае явно сбрасывается со счетов, целый корпус упоминавшихся руководителей служб и ведомств, министерств, а также аналитиков, советников, которыми готовились справки, донесения с мест, заключения о состоянии дел, в том числе и о настроениях среди населения в государстве. Сюда же относятся и выходцы из тех национальностей, кто подвергался деструктивным воздействиям со стороны государственного аппарата власти.

Одним словом, необходимо выявить истинных вершителей политики. В этой связи было бы полезным разобраться и в вопросе о том, применительно к каким этническим общностям уже проводилась реабилитация в 1950-е – 1960-е годы, для кого эта тема стала закрытой уже в 1960-е годы. Это необходимо прежде всего для того, чтобы в последующем не нагромождать и в истории, и практике

различных напех выстроенных концепций, «моделей» необоснованных требований и т.д., а тем самым содействовать дестабилизации в обществе. Именно такая ситуация сложилась в российском сообществе в первой половине 1990-х годов.

В условиях современности по-разному воспринимается многонациональным российским сообществом политическая фигура И. Сталина. Одни граждане страны считают, что «он это суперуправленец, суперпсихолог. Благодаря своему таланту организатора он сумел страну после войны за 10 лет вытащить из руин, превратить ее в супердержаву. Он – вождь. Он страну Великой державой сделал»⁴¹.

Другая группа граждан России среди 1 тыс. 600 человек старше 18 лет, по данным социологического опроса, проводившегося 15–18 февраля 2013 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения, (в опросе приняли участие россияне из 130 населенных пунктов 45 регионов страны) – придерживается того мнения, что «этот вождь сыграл скорее положительную» роль в жиз-

ни советской страны. Версии о «скорее отрицательной» роли придерживаются лишь 22 % россиян. Еще 9 % респондентов считают, что роль Сталина была «безусловно, положительной», а 10 % – «безусловно, отрицательной». Согласно данным этого же исследования, у 18 % респондентов смерть И. Сталина по-прежнему ассоциируется «с утратой великого вождя и учителя»⁴².

Вывод однозначный, прошлое сталинской эпохи тесно связано с современностью, оно ее подпитывает. Глубокое изучение этих процессов актуально.

Библиография

1. Большинство россиян связывают смерть Сталина с прекращением репрессий смерти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/04/03/2013/847815.shtml>
2. Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917 – 90-е годы). – М., 2000. – 96 с.
3. Бугай Н.Ф. По решению Правительства Союза ССР... – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 895 с.

⁴² Там же.

⁴¹ Большинство россиян связывают смерть Сталина с прекращением репрессий смерти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/04/03/2013/847815.shtml>

4. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: социалистический эксперимент. – Майкоп: Меоты, 1994. – 424 с.
5. Гагагова Л.С. Национальная политика в 1920-30-е годы в СССР. Рукопись. – М., 2010. – 593 с.
6. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 328 с.
7. Кожемяко Т.Н., Борисенко С.Н., Федоренко А.И. Ликвидация неграмотности как основа изменения социокультурного пространства Северного Кавказа в контексте советской модернизации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/yandsearch.&clid=1932033&lr=213>
8. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2003. – 784 с.
9. Котов В. Северный Кавказ в 30–40-е годы. Проблемы этнодемографического развития // Россия XXI век. – 1996. – № 1-2. – С. 66-80.
10. Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.). Документы и материалы. – М.: ИРИ, 2007. – 446 с.
11. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). – Майкоп: Меоты, 1995. – 288 с.
12. Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 // Репрессии против российских немцев. Материалы научной конференции. – М., 1998-1999. – С. 35-74.
13. Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. – М.: Звенья, 1997. – С. 22-43.
14. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г. N 324 // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mail.yandex.ru/neo2/#message/2380000001184288898>
15. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуш. - М., 1994. - 259 с.
16. Синицын Ф. За русский народ. Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. – М.: Эксмо, 2010. – 416 с.

17. Сталин И. В. Сочинения. – М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1951. – Том 5. – 320 с.
18. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА, 1937-1938. – М.: Терра, 1998. – 528 с.
19. Хамович А.С. Страна – судилище и исправительный лагерь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/10/Hamovich.htm>
20. Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938. – М.: Материк, 2004. – 734 с.
21. Хутыз К.К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки (на материалах народов Северного Кавказа). – Ростов-на-Дону: Ростовский гос. университет, 1993. – 259 с.
22. ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. – М.: РОССПЭН, 2009. – Книга 2. 1933-1945. – 1096 с.
23. Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. – М.: Международный союз немецкой культуры, 2008. – 176 с.
24. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции НКВД по приказу № 00447. – М.: Новый хронограф, 2008. – 784 с.

The results of the Stalin's rule in the state national policy. 1920-50-ies

Bugai Nikolai Fedorovich

Full Doctor of History, leading research fellow,
Institute of Russian History, RAS,
P.O. Box 117036, Dm. Ul'yanova str., No. 19,
Moscow, Russia;
e-mail: nikolay401@yandex.ru

Abstract

This article discusses the formation of national policy in the state under the Stalinist regime, the change of its directions and focus on the very essence of national policy.

The name of I. Stalin, a statesman and politician of his era, has firmly established in the history of the USSR. History of the country is divided into two periods upon his name. Therefore, a detailed analysis of the implementation of Stalin's policy to control the state and in particular the national processes in the country aims to deepen the understanding of the evolution of the Soviet state, identifying its components in social terms, interweaving of various growth options of multiethnic community.

It is true that Stalin left a deep impression, which absorbed many intertwined elements, with both positive and negative beginnings in the formation and evolution of the statehood itself. Undoubtedly, these conclusions can be drawn using primarily a method of comparative analysis, especially in terms of summing up the results "before Stalin" and "after Stalin", i.e. in two dimensions: the Stalinist and post-Stalinist periods of the Soviet history.

Keywords

Stalin, People's Commissariat of Nationalities, nation building, ethnic groups, ethnic minorities, the Cossacks, Soviet construction, management.

References

1. Bugai, N.F. (2000), *Russian Cossacks: rejection, acceptance, rebirth (1917-90s)* [*Kazachestvo Rossii: ottozhenie, priznanie, vrozhdzenie (1917 – 90-e gody)*], Moscow, 96 p.
2. Bugai, N.F. (2003), *By the decision of the Government of the USSR...* [*Po resheniyu Pravitel'stva Soyuzo SSR...*], El'-Fa, Nalchik, 895 p.
3. Bugai, N.F., Mekulov, D.Kh. (1994), *People and power: the socialist experiment* [*Narody i vlast': sotsialisticheskii eksperiment*], Meoty, Maikop, 424 p.
4. *CPSU(b) Central Committee and national question. Book 2. 1933-1945* [*TsK VKP (b) i natsional'nyi vopros. Kniga 2. 1933-1945*], ROSSPEN, Moscow, 2009, 1096 p.
5. Gatagova, L.S. (2010), *National policy in the 1920-30s in the USSR. Manuscript* [*Natsional'naya politika v 1920-30-e gody v SSSR. Rukopis*], Moscow, 593 p.
6. Khamovich, A.S., "Country – judicatory and punishment camp" ["Strana – sudilishche i ispravitel'nyi lager"], available at: <http://www.memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/10/Hamovich.htm>

7. Khaustov, V.N., Naumov, V.P., Plotnikova, N.S. (2004), *Lubyanka. Stalin and the General Directorate of State Security of the NKVD. 1937-1938* [*Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. 1937–1938*], Materik, Moscow, 734 p.
8. Khutyk, K.K. (1993), *National relations under totalitarianism: experience and lessons (on the materials of the North Caucasus)* [*Natsional'nye otnosheniya v usloviyakh totalitarizma: opyt i uroki (na materialakh narodov Severnogo Kavkaza)*], Rostovskii gos. universitet, Rostov-on-Don, 259 p.
9. Kostyrchenko, G.V. (2003), *Stalin's secret policy. Power and anti-Semitism* [*Tainnaya politika Stalina. Vlast' i antisemitizm*], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, 784 p.
10. Kotov, V. (1996), "North Caucasus in the 30-40s. Problems of ethnodemographic development" ["Severnyi Kavkaz v 30–40-e gody. Problemy etnodemograficheskogo razvitiya"], *Rossiia XXI vek*, No. 1-2, pp. 66-80.
11. Kozhemyako, T.N., Borisenko, S.N., Fedorenko, A.I., "Eradication of illiteracy as a basis for the change of socio-cultural space of the North Caucasus in the context of Soviet modernization" ["Likvidatsiya negramotnosti kak osnova izmeneniya sotsiokul'turnogo prostranstva Severnogo Kavkaza v kontekste sovetskoi modernizatsii"], available at: <http://yandex.ru/yandsearch.&clid=1932033&lr=213>
12. Krasovitskaya, T.Yu. (2007), *National elites as a sociocultural phenomenon of the Soviet state (October 1917-1923). Documents and Materials* [*Natsional'nye elity kak sotsiokul'turnyi fenomen sovetskoi gosudarstvennosti (oktyabr' 1917–1923 gg.). Dokumenty i materialy*], IRI, Moscow, 446 p.
13. Most Russians associate the death of Stalin with the termination of repressions" ["Bol'shinstvo rossiyan svyazyvayut smert' Stalina s prekrashcheniem repressii smerti"], available at: <http://top.rbc.ru/society/04/03/2013/847815.shtml>
14. *Nation-building in the Russian Federation: North Caucasus (1917-1941)* [*Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Rossiiskoi Federatsii: Severnyi Kavkaz (1917–1941 gg.)*], Meoty, Maikop, 1995, 288 p.
15. Okhotin, N., Roginskii, A. (1998-1999), "From the history of the NKVD "German operation" in 1937-1938", *Repressions against Russian Germans. Proceedings of the conference* ["Iz istorii "nemetskoj operatsii" NKVD 1937–1938", *Repressii protiv rossiiskikh nemtsev. Materialy nauchnoi konferentsii*], Moscow, pp. 35-74.

16. Petrov, N.V., Roginskii, A.B. (1997), "Polish operation" of the NKVD in 1937-1938", *Repressions against Poles and Polish citizens* ["Pol'skaya operatsiya" NKVD 1937–1938 gg.], *Repressii protiv polyakov i pol'skikh grazhdan*], Zven'ya, Moscow, pp. 22-43.
17. *Repressed peoples of Russia: Chechen and Ingush* [*Repressirovannyye narody Rossii: chechentsy i ingush*], Moscow, 1994, 259 p.
18. Resolution of the USSR Council of People's Commissars, the CPSU (b) Central Committee "On the compulsory study of Russian language at schools of the national republics and regions" on March 13, 1938 N 324" ["Postanovlenie SNK SSSR, TsK VKP(b) "Ob obyazatel'nom izuchenii russkogo yazyka v shkolakh natsional'nykh respublik i oblastei" ot 13 marta 1938 g. N 324"], *Konsul'tant Plyus*, available at: <https://mail.yandex.ru/neo2/#message/2380000001184288898>
19. *Russian Cossacks. Historical and legal aspect: documents, facts, comments. 1917-1940* [*Kazachestvo Rossii. Istoriko-pravovoi aspekt: dokumenty, fakty, kommentarii. 1917–1940 gg.*], El'-Fa, Nalchik, 1999, 328 p.
20. Shul'ga, I.I. (2008), *Volga Germans in the Russian armed forces: military service as a factor in the formation of patriotic consciousness* [*Nemtsy Povolzh'ya v rossiiskikh vooruzhennykh silakh: voinskaya sluzhba kak faktor formirovaniya patrioticheskogo soznaniya*], Mezhdunarodnyi soyuz nemetskoj kul'tury, Moscow, 176 p.
21. Sinitsyn, F. (2010), *For the Russian people. National question in the Great Patriotic War* [*Za russkii narod. Natsional'nyi vopros v Velikoi Otechestvennoi voine*], Eksmo, Moscow, 416 p.
22. Stalin, I.V. (1951), *Works* [*Sochineniya*], Gos. izd. polit. lit-ry, Moscow, Vol. 5, 320 p.
23. Suvenirov, O.F. (1998), *The tragedy of the Workers' and Peasants' Red Army, 1937-1938* [*Tragediya RKKa, 1937-1938*], Terra, Moscow, 528 p.
24. Yunge, M., Bordyugov, G., Binner, R. (2008), *Great terror vertical line. History of the NKVD operation on the order No. 00447* [*Vertikal' Bol'shogo terrora. Istoriya operatsii NKVD po prikazu No. 00447*], Novyi khronograf, Moscow, 784 p.